

НА КОНЦЕРТАХ

Красною кистью рябина зажглась

Мы, читатели — странные люди. Вызает, глотаем взалеб какую-то очередную новинку, выпрашиваем ее друг у друга, записываемся в очередь, не спим по ночам, а потом, глядишь, проходит время, утихают страсти, стоит нашу-мевшая книга на библиотечной полке, и никто ею не интересуется...

Но случается и так — ты нечаянно листаешь незнакомые страницы и вдруг чувствуешь, что эта книга — твоя, что ее можно открыть в самый трудный час, и строки спасут тебя, дадут заряд мужества, научат терпению и доброте.

Я впервые прочла стихи Марины Цветаевой, когда была студенткой — третьекурсницей. После долгих ожиданий наконец попал в руки заветный том, после занятий я оставалась в читальном зале и очень медленно, по строчкам, как незнакомые ноты, разбирала стихи.

Темнела улица, надвигались мартовские сумерки — долгие-долгие, синие, и все казалось таким зыбким, и было неясно, как сложится жизнь, что будет впереди, кто встретится на пути.

И строки ранней Цветаевой как-то очень органично вписывались в это состояние молодости, первых погожих вечеров, вечернего света.

**Крик разлук и встреч —
ты, окно в ночи!
Может — сотни свеч,
может — три свечи...**

Потом я сдала все свои сессии и поехала по распределению в Курскую область. Жизнь была неустроенная, на чмо-данах, приходилось много работать, но когда выпадали свободные дни, можно было ездить в Москву, в «Ленинку».

Там уже в вестибюле царили строгость и тишина, длинная гулкая лестница, просторные залы, зеленые лампы над рабочими столами.

Хотелось узнать как можно больше о Марине Цветаевой — о ее жизни и поэзии. В полутемном таинственном зале микрофильмов я видела ее первые книги, снятые на пленку. Читала ее прозу и письма, воспоминания о ней. Бережно перелистывала старые книги и журналы — сколько людей читало их до меня! — и многие строки, жалея, расстаться с ними, переписывала в свою заветную

тетрадь, хранившуюся еще со студенческих лет.

И здесь, в этом чуточку нереальном библиотечном мире, случилось невозможное — сближались столетия, возвращались из небытия давно прошедшие времена, оживали пожелтевшие страницы.

**Облака — вокруг.
Купола — вокруг.
Надо всей Москвой —
сколько хватит рук!**

Я читала эти стихи и из высокого окна бывшего дома Пашкова видела золотые кремлевские купола, тревожное закатное небо.

А из книги открыто и прямо глядела Марина Цветаева...

Эту фотографию молодой Цветаевой я увидела спустя годы уже в Сочи, на концерте народного артиста РСФСР Георгия Сорокина.

Фотография стояла на крышке черного рояля, в музыкальной гостиной Зимнего театра. Звучала музыка Рахманинова, Шопена, Варламова, звенели строки Марины Цветаевой.

Георгий Сорокин читал стихи очень просто, почти прозаически, воспринимая поэзию Цветаевой сквозь призму соб-

ственного жизненного опыта, с позиции своих прожитых лет.

Композиция моноспектакля была четкой и строгой. Детство, юность, годы эмиграции, возвращение на Родину — вот те веки судьбы Цветаевой, которые были отражены в моноспектакле. Его темой стала сама жизнь Марины Ивановны — такая неохватная, несущая в себе и радость, и горе, и бесконечный труд души.

Георгий Сорокин читал стихи разных лет — и самые ранние, ясные и чистые, как родниковая вода, и те, что были написаны в годы эмиграции, они — как оголенные прозо-

**Всяк дом мне чужд,
всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все —
едино.**

**Но если по дороге куст
Встает, особенно —
рябина...**

В свою композицию артист включил воспоминания дочери Цветаевой — Ариадны Эфрон, письма самой Цветаевой, в общем, все то, что помогает понять образ Поэта, высветлить ее судьбу.

А потом, когда, казалось, все было сказано и пора было заканчивать, Георгий Сорокин прочел стихи о любви.

Отзвучали последние строки, и на крышку рояля, к фотографии Цветаевой, легли красивые гвоздики. Они напомнили угли того костра, который никогда не погаснет.

Л. ЛЕПЛЕЙСКАЯ.